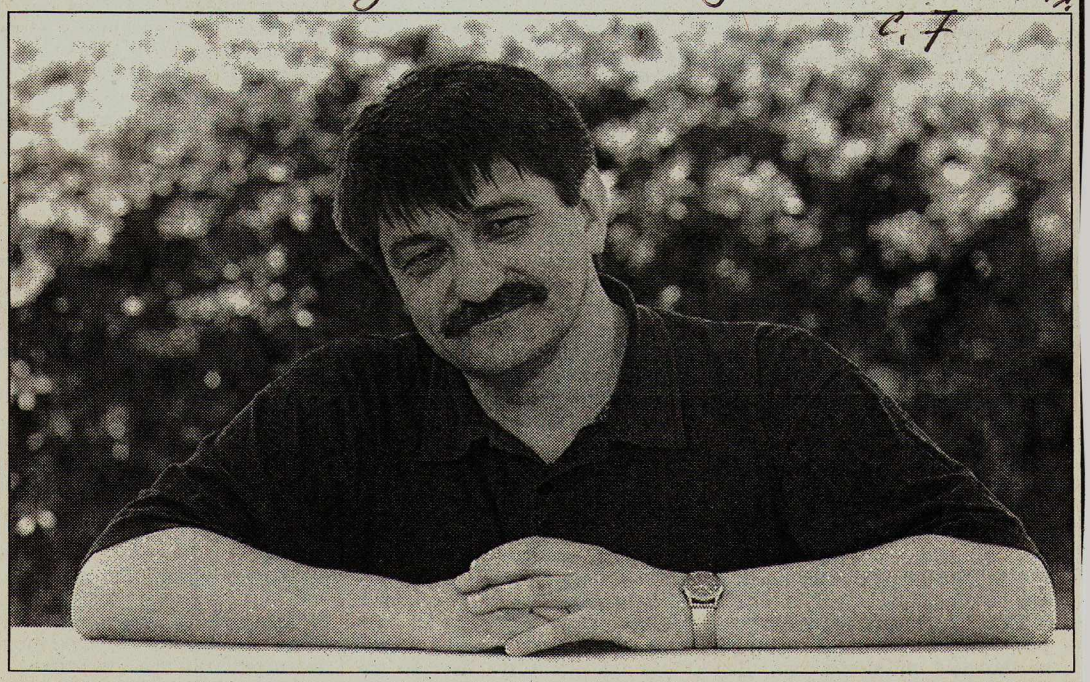
Герои Каннского кинофестиваля

АД В ПОДНЕБЕСЬЕ

Александр Сокуров и Чен Кайге: два взгляда на власть и властителей

Независимая газ. – 1999. – 18 мая. с. 7



Александр Сокуров в Каннах. Фото АП

Екатерина Барабаш

МЫ УВЕРЕНЫ, что более ожесточенной борьбы Добра и Зла, чем мы видим сегодня, не было. Что же, вполне простительная наивность. Быть может, об этом фильм известного китайского режиссера **Чена Кайге «Император и убийца»**?

Третий век до нашей эры. Король провинции Хин одержим идеей создать единый могущественный Китай и стать первым императором. Его давняя возлюбленная и невеста, Цао, помогает будущему императору разработать план, с помощью которого они смогут реализовать свою благородную идею. Для этого нанимается человек из соседней провинции Ян, который должен попытаться убить короля. Естественно, в последний момент ему этого сделать не дадут, зато будет повод начать «присоединительную» войну против провинции Ян. До чего цивилизованно, оказывается, начинались войны три тысячи лет назад! Но только наивная Цао могла думать, что имперские амбиции осуществляются бескровно и благородно. Император, впрочем, тоже поначалу крови вроде не хочет, но без крови не получается. Он добивается своего, Китай отныне един в его крепком императорском кулаке. Но за спиной – тысячи и тысячи трупов, предательства, казнь десятков детей. И теперь еще недавно преданная императору Цао просит наемного убийцу, с которым у нее вспыхнула любовь, убить императора по-настоящему. Но поздно. «Киллер» гибнет, император вовсю правит, девушка уезжает прочь от всей этой несправедливости, полная разочарования и обиды на бывшего возлюбленного.

Казалось бы, что может быть для нас дальше, чем Китай двухтысячелетней давности? Но трехчасовое эпическое полотно Кайге кажется настолько современным и близким, что на протяжении фильма то и дело вздрагиваешь от внезапных аллюзий. Российскому, еще недавно советскому, зрителю (за всех, конечно, ручаться трудно) приходят на ум Сталин, Ленин. Ощущение современности, связи времен в «Императоре и убийце» создается за счет великолепной режиссерской работы – персонажи настолько реальны, каждая личность настолько неординарна, словно все они давно и хорошо Кайге знакомы. Массовые и батальные сцены сразу напоминают лучшие сцены «Войны и мира», «Титаника» или «Сибирского цирюльника». Наверное, этот фильм уже близок к тому, чтобы стать классикой мирового эпического кино.

Александр Сокуров, избравший героем своей картины **«Молох»** личность, прямо скажем, не менее демоническую, но исторически более нам близкую, пошел совершенно другим путем. Если император, живший за две сотни лет до Рождества Христова, – реальный человек, узнаваемая личность, то сокуровский Гитлер, все действие фильма, его атмосфера кажутся далекими-далекими фантомами, уродливыми и красивыми, как сказка Гофмана. Высоко-высоко в баварских Альпах стоит великолепный замок, окутанный сказочной поднебесной дымкой. По стене замка, по самому ее краю ходит стройная молодая женщина. То и дело останавливается и делает изящные гимнастические этюды. Потом она долго бродит по огромному, серому, почти пустому замку, слушает Моцарта. И – скучает. Она ждет любимого, единственного своего мужчину, в котором вся ее жизнь, которому она готова отдать все-все-все, что есть в ее любящей и томящейся душе. Но Адольф Гитлер, любимый Ади, ни о чем Еву Браун не просит. Зачем? Он ничего не знает о любви. Вот наконец Ади приезжает, вслед за ним появляются гости – доктор Геббельс с женой Магдой и партайгеноссе Борман. 1942 год, апрель, один день в замке Гитлера. Боже, что это за день, что это за люди!

Неужели **эти** люди – Гитлер, несущий бесконечную околесицу вроде того, что «у чехов обвислые усы, потому что у них есть монгольская кровь»; Геббельс, один к одному Крошка Цахес, глупый и льстивый невежа; Борман, справляющий большую нужду прямо в песок у стен замка и закапывающий, как собака, встав на четвереньки, свои делишки в песок, – неужели **эти** люди так повернули историю, что мир до сих пор расхлебывает? Даже не люди, а какие-то глупые тени в сказочном замке, черти в пещере адовой (замок, как известно, вырублен в скале, и это усугубляет ощущение «адовости»), марионетки, сделанные неумелым кукольником. Почему вдруг именно такими показал их режиссер? Да потому, что, как считает Сокуров, они такие и есть. Ничтожные люди. Бездарности, вылезшие из преисподней. Но не сами вылезшие, а вытянутые народом, которому захотелось кумира. Настоящих кумиров нет, уверен Сокуров, их делают люди. И получают то, что получают: каждый народ заслуживает своего правительства... Сколько было написано книг, исследований, сколько фильмов было снято про Гитлера и про фашизм. Но до Сокурова в *таком* ракурсе фюрера никто не показывал. Никто не всматривался в простое человеческое лицо нацизма. А лицо это, по Сокурову, – воинствующая обыкновенность. То есть пошлость.

«Собственно говоря, на месте Евы Браун и Адольфа Гитлера могла быть любая другая пара, – сказал Александр Николаевич, – *но мы взяли именно их, чтобы показать, что государственный человек от простого человека ничем не отличается. Человек у власти – это обычный человек, которого общество пригласило исполнять определенные обязанности, и очень опасно, когда общество делает его великим».* Спорная точка зрения, наивная и по-своему опасная. Да, мы сами делаем себе кумиров, но кумиром никогда не станет человек, который всеми силами к этому не стремится, не цепляется за власть любыми способами.

Сокуров, парадоксов друг. Ирреальная, дымчато-сказочная атмосфера, в которой происходит действо, ирреальные полулюди-полукуклы, окружающие единственное живое существо в фильме – Еву Браун, любящую, нежную, темпераментную, страдающую от недостатка любви и тепла рядом с холодным и пошлым Ади. При этом фоном идет музыка Вагнера, поразительная по стройности и гармонии. И русские актеры, для пущей убедительности говорящие по-немецки. *«Вы можете представить себе Гитлера, говорящего по-русски?»* – сказал Сокуров на пресс-конференции. А почему бы и нет? Гамлет может говорить по-русски, Фауст – может, даже Чиполлино может. Эти выплески реальности и гармонии то ли подчеркивают обыденность и обыкновенность зла и его демона – фюрера, то ли оттеняют отрешенность замка и его обитателей от реальной жизни, заставляя проводить парадоксальную грань: нацизм – отдельно, жизнь – отдельно.

Совершенно парадоксальная картина, в которой вымысел порой кажется реальностью, реальность – вымыслом. В этом – Сокуров, которого даже не понимать интересно, а поняв – еще интереснее спорить. ■

Канны